

Светлана Нудель

ОМНИА

АННА

Книга 1

Светлана Нудель

OMNIA: АННА

«Автор»

2026

Нудель С.

OMNIA: АННА / С. Нудель — «Автор», 2026

Она была примой. Ей рукоплескали лучшие театры мира, её имя печатали на афишах самым крупным шрифтом. Но за хрустальными люстрами и бриллиантами скрывались лишь усталость и одиночество. Умирая, Анна загадала желание: родиться в тихой бухте на берегу моря, где никто её не узнает и никому от неё ничего не будет нужно. Желание сбылось. Но она не учла одно: душа не меняется с перерождением. В рыбацкой деревне на краю земли, где люди говорят только об улове и погоде, девочка Зоя растёт чужой среди своих. Её тело помнит танец, а сердце жаждет красоты, которую здесь никто не видит. Она получила идеальный пейзаж, но оказалась в нём совершенно одна. «Анна» — это история о цене желаний, о том, что настоящий рай не в тишине, а в том, с кем ты его делишь, и о танце, который длится вечность.

© Нудель С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая Блеск и тени	5
Глава 1. Арабеск под софитами	5
I	6
II	7
III	8
IV	9
Глава 2. Люди-тени	10
I	11
II	12
III	13
IV	14
Глава 3. Хрустальный потолок «Ритца»	15
I	16
II	17
III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Светлана Нудель

OMNIA: АННА

Часть первая Блеск и тени

Глава 1. Арабеск под софитами

Она перестала быть Анной. Она стала движением. Но в этом движении не было её самой — только свет, музыка и три тысячи пар глаз, которые ждали чуда.

I

Запах кулис был неизменен вот уже тридцать лет.

Анна вдыхала его каждым нервным окончанием, как наркотик, от которого невозможно отказаться, даже когда организм молит о передышке. Пыль старого дерева, клей папье-маше, холодный металл софитов и... страх. Тысячи оттенков страха, вьёвшихся в половицы за столетие существования театра.

Она стояла перед огромным зеркалом в своей гримёрной. Лампочки по краям горели ровным немигающим светом, не терпящим возражений. В этом свете она видела всё: идеальную линию скул, высокий лоб, гладко зачёсанные назад волосы, собранные в тугий узел, от которого болели корни. И глаза. Огромные, тёмные, с расширенными зрачками, в которых она уже полчаса танцевала «Жизель»

— Три минуты, синьора, — голос ассистентки ворвался в комнату, дверь открылась без стука. Лица Марии видно не было, только рука, придерживающая дверь, да край строго выглаженной юбки.

Анна не ответила. Она рассматривала свои руки, лежащие на пуантах. Пальцы ног, распухшие, сбитые в кровь, стянутые пластырем крест-накрест. Она ненавидела этот момент. Переход. Ещё секунду назад она была Анной — женщиной за сорок с ноющей болью в пояснице и усталостью в костях. А сейчас должна стать кем-то другим. Воздушной. Невесомой. Идеальной.

Она провела ладонью по лицу, стирая каплю пота, выступившую на виске, и резко встала. Тело слушалось беспрекословно. Оно было натренировано лучше, чем любая машина. Оно не смело жаловаться.

Коридор, ведущий к сцене, был узким, как китовый пищевод. Стены выкрашены в унылый серый, чтобы не отвлекать артистов. Здесь не было позолоты и бархата. Здесь была изнанка театра. Анна шла, и тонкие кожаные подошвы её пуантов мягко ступали по деревянному настилу. Сердце билось ровно, как метроном.

Она остановилась у края кулисы.

Зал не дышал. Три тысячи человек замерли в ожидании. Три тысячи пар глаз смотрели на пустую сцену, залитую голубоватым светом. Три тысячи сердец бились в унисон с дирижёрской палочкой, замершей в воздухе.

Дирижер взмахнул палочкой.

Музыка хлынула, как вода из прорванной плотины. Анна сделала шаг, и свет софитов ударил в лицо, ослепляя, отрезая её от мира живых. Она перестала быть Анной. Она стала движением.

II

Первый акт прошёл на одном дыхании. Она порхала по сцене, и каждый мускул работал с ювелирной точностью. Прыжок — и она зависала в воздухе дольше, чем позволяла гравитация. Вращение — и мир превращался в размытое пятно, в котором не существовало ничего, кроме оси собственного позвоночника.

Она ловила восхищённые взгляды партнёра, чувствовала его руки на своей талии, горячие и чуть влажные. Он был хорош. Молод, силен, красив той глянцевой, бездумной красотой, которая так нравится публике. Но между ними не было искры. Не было того электричества, что когда-то заставляло зал рыдать. Была только работа. Virtuозная, отточенная, но работа.

В антракте она стояла за кулисами и пила воду маленькими глотками, стараясь не сбить дыхание. К ней подбежали, поправили пачку, подали платок промокнуть лоб. Кто-то говорил, что в зале сидит министр культуры. Кто-то — что принц из Дании. Кто-то — что критик из «Le Monde» уже строчит рецензию в блокноте на коленке.

Анна кивала. Ей было всё равно.

Она смотрела в щёлочку между кулисами на первый ряд. Бриллианты, лысины, обнаженные плечи. Лица, повернутые к сцене с одинаковым выражением благоговейного восторга. Они пришли не за искусством. Они пришли за ней. За примой. За той, чьё имя печатают на афишах самым крупным шрифтом.

Зазвенел звонок. Второй акт.

III

Финал всегда был самым трудным.

Не физически — физически она могла танцевать ещё часами, тело было выковано из стали и сформировано из резины. Труднее всего было заставить глаза гореть тем самым светом, который публика принимала за вдохновение. В финале, когда Жизель умирала, Анна должна была смотреть на партнёра так, будто он — вся её жизнь.

Она смотрела. Глаза блестели от усталости и капель грима, стекающих со лба. Она умерла на сцене красиво, как умеют умирать только балерины — не падая, а опускаясь, словно лепесток на воду.

Тишина. Секунда, которая длится вечность.

И взрыв.

Овации обрушились на неё сверху, как лавина. Они били по плечам, по спине, по опущенной голове. Крики «Браво!», топот ног, свист. Кто-то швырял на сцену цветы. Красные розы, белые лилии, пышные пионы — они падали к её ногам, засыпая подол пачки.

Партнер подхватил под руку, поднял. Она улыбнулась той самой улыбкой, которую репетировала перед зеркалом тысячу раз. Поклон. Ещё поклон. Выход на авансцену. Взмах руки, прижатие ладони к сердцу. Публика взвыла.

Она смотрела на этот ревущий зал, на этот океан лиц, рук, цветов, и чувствовала... ничего. Абсолютную пустоту внутри.

IV

Час спустя она сидела в гримёрной одна.

Цветы стояли в вёдрах с водой, заполнив весь пол. Аромат был тяжёлым, сладким, почти тошнотворным. Она стёрла грим ватным диском, смоченным в молочке. Под слоем тона кожа была бледной, с синевой под глазами.

Стук в дверь. Вошел Он. Тот, с которым она делила постель. Продюсер, богатый, влиятельный, с сединой на висках и влажными губами. Он говорил что-то о том, как она была великолепна, о приёме в честь премьеры, о шампанском, которое уже в бокалах.

— Я устала, — сказала Анна, не оборачиваясь.

Пауза. Он не привык к отказам.

— Анна, там весь цвет общества. Тебя ждут.

— Пусть подождут.

Он постоял ещё минуту, потом дверь щёлкнула. Ушёл. Обиделся.

Она осталась одна среди цветов, которые завтра завянут и будут выброшены.

Машинально она стянула пуанты. Ноги были синие, с багровыми пятнами на пальцах. Кожа слезла, под ней виднелась сырая, воспалённая плоть. Она смотрела на них и думала не о боли. Она думала о том, что через три дня снова наденет новые пуанты, снова разобьёт ноги в кровь, снова выйдет на сцену. И так до бесконечности.

Анна встала, накинула шёлковый халат, подошла к окну. Гримёрная находилась высоко, под самой крышей. Внизу простирался Париж — миллионы огней, фары машин, неоновая реклама. Город, который никогда не спит. Город, принадлежащий ей.

Она открыла окно. Ворвался сырой, прохладный воздух, пахнувший бензином и дождём. Запах свободы.

И тут, стоя у этого окна, глядя на чужой, подсвеченный город, она вдруг вспомнила другое. Она никогда не видела моря по-настоящему. Были курорты, Лазурный берег, виллы, яхты, шампанское на палубе. Но это было не море. Это был фон для фотосессий. Настоящее море — чтобы ни души, чтобы волны бились о пустой берег и только крик чаек нарушал тишину, — такого у неё не было.

— Я хочу родиться там, — прошептала она в темноту.

Слова упали в шум города и растворились без следа.

Она закрыла окно. Легла на диван, не раздеваясь, положив руки под голову. Завтра будет новый день. Новая репетиция. Новый спектакль. Новая ложь под названием «счастье».

Анна закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений.

Глава 2. Люди-тени

Она улыбалась той самой улыбкой, которую репетировала перед зеркалом тысячу раз. Искусство быть собой давно уступило место искусству казаться.

I

Приём в честь премьеры давали в отеле «Ритц».

Анна вошла в зал под руку с тем самым продюсером, который обиженно хлопнул дверью в гримёрной несколько часов назад. Его звали Марсель. У него была дорогая улыбка, слишком белая, чтобы быть настоящей, и привычка класть руку чуть ниже талии партнёрши — собственнический жест, который должен был читаться всеми как «она моя».

Она позволила эту руку. Позволила себя вести. Позволила улыбаться.

Хрустальные люстры лили свет на головы гостей, дробясь на тысячу зайчиков в бриллиантах, бокалах, запонках. Воздух был густым от смеси французских духов, кубинских сигар и дорогого алкоголя. Гул голосов — низкий, вязкий, довольный.

— Анна, дорогая! Вы были божественны!

Высокая женщина в изумрудном платье, с шеей, унизанной жемчугом, возникла из ниоткуда и повисла над ней, чмокая воздух возле щеки. Анна знала это лицо. Графиня? Баронесса? Жена какого-то министра? Имена путались, титулы слипались в один липкий комок.

— Благодарю, — Анна склонила голову в отточенном полупоклоне.

— Этот прыжок в третьем акте! — Жемчужная шея взволнованно вздымалась. — У меня сердце остановилось! Честное слово, остановилось! Вы не человек, вы птица!

Анна улыбнулась той самой отрететированной улыбкой. Уголки губ вверх, глаза чуть прищуренные, голова чуть набок. Идеально. Пусто.

— Шампанского, мадам? — Официант с подносом возник как из-под земли.

Анна взяла бокал, хотя не хотела пить. Но в руке должно быть что-то, иначе руки выдают нервы. Она сделала маленький глоток. Пузырьки защипали язык.

— Анна! Анна, фото!

Вспышки ударили в лицо. Она уже не видела, кто фотографирует. Их было много, всегда много. Они толпились у входа, ловили каждый её шаг, каждое движение. Она привыкла. Выпрямила спину, отставила локоть, чуть наклонила голову влево — там лучше свет. Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Марсель тут же придвинулся ближе, обнял за талию, сверкнул своей фарфоровой улыбкой в объективы. Завтра они будут в газетах. «Прима-балерина Анна с возлюбленным на премьере». Или «Новый роман Анны?» Или просто «Триумф».

Какая разница.

II

Она сбежала через полчаса.

Сказала, что ей нужно попудрить носик, скользнула в боковой коридор и вышла в зимний сад отеля. Здесь было тихо. Пальмы в кадках, фонтанчик с золотыми рыбками, стеклянный потолок, за которым виднелось чёрное небо с редкими звёздами. Холодно. Анна обхватила себя за плечи — вечернее платье из тяжёлого шелка не грело.

— Вы всегда сбегае с собственных праздников?

Голос раздался из-за пальмы. Мужской. Низкий. С хрипотцой.

Анна обернулась. В кресле, скрытом тенью от огромного листа, сидел человек. Она не сразу разглядела лицо — только силуэт, длинные ноги, закинута одна на другую, бокал в руке, поблёскивающий в полумраке.

— Я никуда не сбегаю, — ответила она холодно. — Я вышла подышать.

— В стеклянную клетку? — Человек усмехнулся и поднялся. Вышел на свет.

Лет сорок пять. Высокий, широкие плечи, но не грузные — сухие, спортивные. Волосы тёмные с проседью на висках, глаза светлые, почти прозрачные. Лицо некрасивое, но запоминающееся. Такое лицо не забудешь в толпе.

— Простите, — сказал он, останавливаясь в двух шагах. — Не хотел вас напугать. Заметил, как вы торопливо вошли, и подумал: интересно, от кого это прима так спешит сбежать?

— А вы?

— Я искал тишины, — он пожал плечами. — Как и вы.

Анна молчала, разглядывая его. Он не отводил взгляд. В этом взгляде не было привычного масляного блеска, не было жадности или приторного восхищения. Он просто смотрел. Как на равную.

— Вы танцевали сегодня, — сказал он. — Это было... странно.

— Странно? — бровь Анны поползла вверх. Ей говорили «гениально», «божественно», «неповторимо». «Странно» было новым.

— Вы были идеальны, — продолжил он. — Каждое движение выверено до миллиметра. Но в глазах... В глазах была пустота. Вы танцевали смерть так, будто знали о ней что-то, чего не знаем мы.

Анна почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Тонкая игла проткнула ватную оболочку, в которую она была укутана.

— Вы критик? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нет. Я просто зритель.

— Самые опасные критики, — усмехнулась Анна.

— Самые честные.

Он сделал шаг ближе. Теперь она видела его глаза ясно. Светло-серые, почти стальные. В них была усталость. Такая же, как у неё.

— Меня зовут Алексей, — сказал он. — И я, кажется, единственный человек в этом зале, который не хочет от вас ничего, кроме правды.

— Правды? — Анна усмехнулась горько. — Правда в том, что я устала. И хочу домой.

— Домой? — он повторил это слово с интонацией вопроса. — А где ваш дом, Анна?

Она открыла рот, чтобы ответить, и поняла, что не знает. Париж? Москва? Нью-Йорк? У неё были квартиры в трех городах, но ни одна не звала её. Ни одна не ждала.

— Вы не знаете, — кивнул он, прочитав ответ в её молчании. — Я тоже не знаю.

III

Они проговорили до четырёх утра.

Оказалось, что Алексей — архитектор. Русский, давно живущий в Европе. Он строил мосты. Буквально — мосты через реки и проливы. Говорил, что его конструкции держатся на математике, но красивыми их делает что-то другое. То, что нельзя просчитать.

— Мосты соединяют берега, — говорил он, глядя на струйки фонтана. — Люди думают, что это просто функция. Но на самом деле мост — это обещание. Что ты не один. Что есть другая сторона, и до неё можно дотянуться.

— А вы дотянулись? — спросила Анна.

Он замолчал надолго. Потом покачал головой.

— Я строю мосты для других. Сам по ним не хожу.

Она поняла. До мурашек, до боли в позвоночнике поняла этого человека. Он был такой же. Только его сцена — стройплощадки и чертёжные доски, её — театральные подмости. А внутри — то же самое

— Зачем вы здесь? — спросила Анна. — На этом приёме? Вы не похожи на этих людей.

— Любопытство, — ответил он. — Хотел увидеть женщину, которую весь мир носит на руках. Думал, она счастливее меня.

— И как? — голос Анны дрогнул.

— Мы оба пришли в зимний сад искать тишины, — он улыбнулся впервые за весь вечер. Улыбка у него была тёплая, неожиданная на этом резком лице. — Это о чём-то говорит.

Вернулась она в зал только под утро. Марсель был зол, пил виски и делал вид, что не замечает её. Гости разъехались. Официанты собирали грязную посуду.

Алексей исчез. Не попрощался. Не оставил номера.

Анна стояла посреди пустого зала, среди недопитых бокалов и пепла в хрустальных пепельницах, и чувствовала, как внутри разрастается что-то новое. Тоска? Надежда? Она не знала.

IV

Утро она встретила в номере «Ритца».

Марсель уехал к себе, обиженно хлопнув дверью. Хорошо. Легче.

Она лежала на широкой кровати с белоснежными простынями, смотрела в потолок с лепниной и вспоминала серые глаза. Архитектор. Мосты. «Вы не знаете, где ваш дом».

— Глупец, — прошептала она в пустоту. — Никто не знает.

Зазвонил телефон. Агент. Завтра интервью для Vogue. Послезавтра перелёт в Милан, репетиция «Баядерки». Через неделю гастроли в Токио. Через месяц — Лондон. Расписание было составлено на год вперёд, с точностью до минут.

Она слушала бодрый голос в трубке и смотрела в окно на серое парижское небо. Где-то там, за этим небом, есть море. Она никогда его не видела. По-настоящему.

— Анна? Вы слушаете? — голос агента прорвался сквозь мысли.

— Да, да, конечно. Милан. Я помню.

Она положила трубку. Встала. Подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу.

Внизу шумел город. Люди-тени спешили по делам, несли в руках сумки, кофе, зонтики. Они жили. А она существовала в параллельном мире, где все было ненастоящим. Даже вчерашний разговор в зимнем саду начал уже казаться сном.

Но глаза его она помнила. Серые, усталые, понимающие.

— Алексей, — произнесла она вслух, пробуя имя на вкус.

Имя отозвалось где-то в груди теплом.

Вечером был ужин с критиками. Она улыбалась, кивала, говорила правильные слова. Потом была постель с Марселем — механическая, быстрая, без желания. Потом снова утро, снова самолёт, снова сцена.

Алексей не объявился. И Анна почти убедила себя, что его не было вовсе. Что она выдумала этот разговор, потому что очень хотела, чтобы кто-то посмотрел на неё и увидел не приму, не икону, не тело на обложке, а живую женщину, которая устала.

Но иногда, засыпая в очередном отеле в очередном городе, она закрывала глаза и видела зимний сад, фонтан с золотыми рыбками и человека, который спросил: «Где ваш дом, Анна?»

Она так и не нашла ответа.

Глава 3. Хрустальный потолок «Ритца»

Слова упали в ночь. Где-то внизу сигналила машина, смеялись люди. Мир не знал, что прима-балерина загадывает желание, которое перечеркнёт всё.

I

Она проснулась от того, что не могла дышать.

Комната была полна цветов. Их приносили весь вчерашний день, пока она была на репетиции. Розы, орхидеи, лилии, какие-то экзотические бутоны, названий которых она не знала. Они стояли в вазах на полу, на столиках, на подоконнике. Их сладкий, тяжёлый аромат заполнял лёгкие, как вата.

Анна села на кровати, схватившись за горло. Сердце колотилось где-то в висках. Запах смерти. Так пахнут похороны. Она вдруг ясно увидела себя со стороны: женщина одна в номере роскошного отеля, окружённая цветами, которые завтра завянут, в хрустальном гробу под названием «жизнь примы».

— Хватит, — сказала она вслух. Голос прозвучал хрипло, чужим.

Она встала, подошла к окну, распахнула его настежь. Холодный воздух ворвался в комнату, заставив цветы затрепетать. Анна глубоко вздохнула, впуская в лёгкие запах бензина и утренней сырости. Это было лучше, чем розы.

Внизу просыпался Париж. Первые трамваи, редкие прохожие с собаками, булочники, открывающие свои лавки. Жизнь. Простая, настоящая, недоступная.

Она смотрела на это утро и вдруг поняла: ей сорок семь. Тридцать семь лет она танцует. Двадцать из них — на главных сценах мира. У неё есть все. И нет ничего.

В дверь постучали.

— Мадам, завтрак, — голос горничной с лёгким французским акцентом.

Анна накинула халат, открыла. Девушка вкатила столик с серебряными крышками, кофейником, свежим круассаном. Все идеально. Всё как всегда.

— Поставьте у окна, — сказала Анна.

Девушка исполнила, задержалась на секунду, глядя на босую Анну с растрёпанными волосами. В глазах горничной мелькнуло что-то — жалость? Любопытство? Она быстро опустила взгляд и выскользнула за дверь.

Анна села за столик. Отхлебнула кофе. Кофе был идеальным. Все в этой жизни было идеальным. И именно эта идеальность душила сильнее любого провала.

II

В полдень приехал Марсель.

Он вошёл без стука, как к себе домой. Только ключом щёлкнул — и то для порядка. В руках — новая охапка цветов и бархатная коробочка.

— Дорогая, — начал он с порога, сияя своей белоснежной улыбкой. — Я веду себя как последний дурак. Прости меня.

Анна сидела в кресле с книгой, которую не читала. Подняла глаза.

— Ты не дурак, Марсель. Ты просто такой, какой есть.

Он замер на секунду, но улыбку не стёр. Подошёл, опустился на одно колено, протянул коробочку. Внутри оказалось кольцо с огромным бриллиантом — холодный, безупречный камень в паве из платины.

— Это тебе. В знак того, что я... что мы...

— Встань, — перебила Анна. — Не надо на колени. Это смешно.

Марсель встал. Улыбка начала сползать.

— Что с тобой? Ты какая-то странная последнее время. Депрессия? Сходи к врачу. Или съезди на море. Хочешь, я организую яхту на выходные?

— На море, — повторила Анна. — Ты знаешь, что я никогда не была на настоящем море?

— Как это не была? — Марсель рассмеялся. — А Сен-Тропе? А Ницца? А тот остров у греков?

— Это не море, Марсель. Это декорации. Я хочу туда, где нет ни отелей, ни ресторанов, ни таких как мы. Где только вода и песок.

Марсель посмотрел на неё как на сумасшедшую.

— Зачем тебе это? Там грязно, дико, нет сервиса. Ты не выживешь там и дня.

— Именно, — тихо сказала Анна. — Именно поэтому я туда хочу.

Он не понял. Ничего не понял. Посидел ещё полчаса, поболтал о каких-то контрактах, о новом театре в Абу-Даби, который хочет её видеть, и о деньгах, конечно о деньгах. Потом уехал, оставив кольцо на столике. Бриллиант сверкал в луче солнца, бросал зайчики на потолок.

Анна смотрела на него и думала: может, купить маленький дом на берегу? Там, где нет никого. Где можно сидеть и смотреть на воду. Где никто не будет говорить про контракты, про театры, про то, как она должна улыбаться.

Она взяла кольцо, повертела в пальцах и положила обратно. Нет. Даже оно уже не имело смысла.

III

Вечером в номере раздался звонок. Это был Алексей.

Она уже не надеялась, уже почти забыла. Но телефон зазвонил, и в трубке раздался тот самый низкий голос с хрипотцой.

— Анна. Здравствуйте.

Она замерла, прижимая трубку к уху, боясь дышать.

— Здравствуйте, Алексей.

— Я улетаю. Долго думал, звонить или нет. Решил, что позвоню.

— Почему?

Пауза. Она слышала его дыхание на том конце провода.

— Потому что вы — единственный человек, с которым мне не хотелось молчать.

Анна улыбнулась в пустоту комнаты.

— Вы тоже.

— Я в Париже до завтра. Можем встретиться?

— Да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.